

В НЕРАВНОЙ СХВАТКЕ

О ЧЕРК

...Шел июль. Перед нами в дневном зное заколыхались вражеские окопы. Траншеи врага проходили по самой высоте, наши — ниже. Еще ниже протекала извилистая мелководная река Миус, заросшая по обоим берегам невысоким дубовым леском. Фашисты изредка стреляли.

— Что, комсорг, жарко? — неожиданно услышал я над собой голос.

— Нет, — ответил я, вставая, — в окопе прохладно.

— Почему же снял гимнастерку?

Я смущенно переступил с ноги на ногу.

— А ты не стыдись, — у всех они есть, — Старший лейтенант Кафанов задумался.

— Скоро баню устроим, — сказал он. — Видишь поваленные деревья? Вон там. Туда пули не долетают. Ну, а насчет снарядов, сам знаешь — приехали.

Командир роты улыбнулся.

— Клименко! — позвал он.

Из-за поворота траншеи вышел тронкий рослый солдат в запяленной гимнастерке, ординарец командира роты.

— Что ты там задержался?

— Друга своего Дедогрюка встретил, — говорил ординарец слегка грубоватым, но приятным голосом. — Письма с родины читали.

В это время раздалась длинная пулеметная очередь. На Миусе возник целый каскад водяных столбиков, радужно сверкавших в лучах солнца.

— Из крупнокалиберного бьют, — заметил Клименко и стал отряхиваться от пыли: часть пуль попала в брестер, и нас всех обдало землей.

— Спокойный человек, — не без зависти проговорил вслед уходящему командиру старший сержант Лабутин — парторг роты, широкоплечий мариец из Йошкар-Олы. — Будто ничего не произошло. А ведь стреляли в него. Голову фрицы заметили. А он ее не пригнул.

Помывшись в бане, мы почувствовали облегчение. От окопной жизни потянуло на волю. Многие с тоской смотрели на зеленеющие за рекой сады, томившиеся в мареве зноя, непокошенные травы. Чтобы развеять грустные думы бойцов, парторг роты завел веселый разговор.

— Хорошую нам баню организовал командир, — начал он, — только вот страху много пришлось пережить.

Солдаты оживились: интересно, что испугало бывшего воина.

— Моюсь, братцы, а про себя думаю: вот как трахнет снаряд в бочку, где парится наша амуниция. А тут команда: «В атаку!», а мы — голые... Этим фрица до смерти напугать можно.

Неожиданно появился старший лейтенант Кафанов.

— Куда смотрите? — спросил он. — Ведь враг-то сзади.

— Миус-речкой любимся, — живо ответил за всех старший сержант Лабутин.

Тяжелый снаряд гулко разорвался вблизи окопов. Затем

другой, третий — и так в течение часа. «Пристреливаются, гады!», — подумал Кафанов.

В это время к командиру подошла вызванная им ранее группа воинов. Рота готовилась к наступлению, и старший лейтенант решил под покровом ночи выдвинуться вперед, за боевое охранение и произвести рекогносцировку.

— Дело серьезное. Пойду сам.

В полночь, когда щербатая луна скрылась за зубчатой грядой холмов, восемь комсомольцев, возглавляемых командиром роты, бесшумно поползли в сторону врага. Кафанов не знал, что в это время навстречу им змеей извивалась фашистская цепь.

Первым заметил врага ординарец Клименко.

— Фашисты! — шепнул он командиру и быстро изготовил автомат.

Решение созрело мгновенно: «Надо атаковать первыми. Отступать поздно. Перестреляют, как куропагок».

— В атаку, за мной! — командовал Кафанов. — Занять траншеи, которые враг оставил!

Бойцы будто ждали такого приказа. Все восемь застрочили из автоматов и бегом рванулись за командиром.

Внезапная стрельба на ничейной полосе привела нас в недоумение. Сомнения были рассеяны сразу, как только бойцы увидели в наступавшем рас свете шевелящиеся серо-зеленые бугорки. Загребали автоматы. Раздались взрывы гранат. Замысел врага атаковать наши позиции сорван. А там? Что происходило там, в окопах, которые заняла отважная восьмерка комсомольцев?

— Друзья - мадоянцы, — обратился Кафанов к бойцам. (Мадояновцами нас называли по имени командира батальона старшего лейтенанта Мадояна, получившего звание Героя Советского Союза при освобождении Ростова). — Мы отрезаны. Скоро станет светло. Среди нас все комсомольцы. Будем стоять насмерть!

Ошеломленный неожиданной контратакой, враг стрелял беспорядочно. Но вскоре горстку бойцов атаковала большая группа немецких солдат. Быстро светлело. Всюду виднелись фигуры гитлеровцев, подбиравшихся к окопам смельчаков. Автоматы кафановской восьмерки строчили по фашистам, но те продолжали лезть.

— Осатанели, черти, — зло выругался Дедогрюк, — прошляпили, а теперь прут, как угорелые.

Увлеченный боем, он не заметил, как сзади к нему подкрался долгоязыый фашист. Гитлеровец выстрелил в упор в спину Дедогрюку, и тот упал без крика. Он был первым убитым в этом неравном сражении.

Фашиста застрелил Крестьянников — уроженец Сумской области, но тут же сам упал, пораженный осколком гранаты.

Бой разгорался. Кафанов переходил от бойца к бойцу.

— Держитесь крепче, — воодушевлял он.

— Смерть или победа. Умрем, так со славой!

Стрельба неожиданно уменьшилась. С правого фланга, словно из погреба, послышались хриплые крики:

— Рус... сдавайся! Рус... капут!

— Комсомольцы не сдаются! Получай, гад! — крикнул в ответ Кафанов и метнул трофейную гранату в то место, откуда раздавались крики.

Перестрелка возобновилась с новой силой.

— Комсомольцы! Стоять насмерть! Умрем или...

Договорить Кафанову не удалось. Пуля попала ему в голову. Бессильно упираясь руками в стену окопа, он медленно оседал. К нему подбежал Клименко.

— Товарищ командир... Са-ша!.. Ты ранен...

— Клименко, дружище... Прими командование. Бей их... Иланшет.

Клименко быстро подал командиру планшет и, разорвав индивидуальный пакет, стал перевязывать Кафанову голову. Старший лейтенант с трудом достал из планшета лист бумаги и стал писать...

Бесстрашный офицер не слышал громового «ура» бойцов своей роты. Когда мы ворвались в окопы, Кафанов был мертв. Парторг Лабутин подал мне тетрадный лист. Я вслух прочитал:

«Эти бойцы мужественно отстояли свой рубеж. Они достойны награды. А. Кафанов».

Строки были написаны красным карандашом. Написаны ко-со, неровно. И никому не показались странным, что человек писал их за несколько секунд до смерти. И, умирая, думал не о себе, а о товарищах, вступивших в неравную схватку с врагом.

П. БЕЛЯКОВ,

капитан, участник боев за освобождение Приморья.

Я никогда не

Я никогда не успокоюсь
На том, что сделано вчера...
Везет на стройку грузы мюзэд,
И землю пахнут трактора.
Я у станка на вахту стану,
В руках работа запоет.
Девиз в труде наш самый
главный —
Всегда вперед! Всегда вперед!
Раскрыли настежь двери
в космос
И покорили Ангару.
Умеем петь на полный голос